

РИНА СИВАЯ

Хороший

БЫВШИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рина Сивая

Хороший бывший

<https://litres.ru/74617942>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Лики — новый парень. У Макса — новая жизнь. И только старые, но тёплые воспоминания напоминают: когда-то они были идеальной парой.

Они могли бы никогда не встретиться снова, если бы не одно «маленькое» совпадение — недельное путешествие по Карелии, перед которым каждого из них друзья заверили: второй точно не приедет.

Теперь бывшие супруги, новые отношения и группа друзей оказываются на одной воде.

И это путешествие покажет, что «хороший бывший» — это не всегда про точку, а прошлое иногда просто ждёт подходящего ветра, чтобы вернуться на всех парусах.

В тексте есть:

- Развод и прошлое, которое не отпускает
- Вода, ветер и лесные тропы
- Близость, честные разговоры и внутренние переживания
- Друзья и неожиданные повороты судьбы
- Любовь, доверие и возможность начать заново

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Лика	9
Глава 2. Лика	16
Глава 3. Лика	23
Глава 4. Максим	33
Глава 5. Лика	42
Глава 6. Лика	52
Глава 7. Максим	63
Глава 8. Лика	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Рина Сивая

Хороший бывший

Пролог

Горячий летний ветер ударил в лицо, смывая запах чужих духов, цветов и шампанского. Я вдохнула полной грудью, но что-то мешало. Там, внизу, под ребрами, болезненно ныло.

— Теперь довольна?

Поглубже вдохнув, будто перед погружением под воду, я перевела взгляд правее. В вопросе Максима не было претензии, недовольства или обиды. Он просто интересовался, как спрашивают о погоде или времени. Капля любопытства и море усталости.

Невольно отметила, что за этот месяц он похудел. Зеленые глаза – такие же зеленые, как июльские деревья в Тайге – потускнели, а рубашка, сидевшая раньше воблипку, теперь заметно ослабла в груди.

Взмахнула головой, отгоняя мысли. Максим Озеров теперь не моя проблема. Пусть кто-то другой переживает за его фигуру и взгляд.

— Нет, — откинув волосы за спину, честно призналась я. Врать я так и не научилась, у нас с ним всегда все было честно. — Мне еще недели две все документы переделывать.

— Могла бы не менять фамилию, — усмехнулся мой бывший муж.

Я криво улыбнулась. Это — больная тема. Лика Озерова звучало лучше, чем Лика Боголюбова — я так еще до свадьбы говорила. Закоренелому атеисту иметь такую фамилию — откровенное издевательство, но если уж начинать жизнь с чистого листа, то так, чтобы ни одного повода для воспоминаний не осталось.

Я хотела ответить, что мне от него ничего не нужно, но дверь загса распахнулась, выпуская наружу очередных молодоженов и их многочисленных гостей. Нас с Максимом разнесло по разным берегам этой пышной процессии.

Прямо как по жизни.

Определенно, разводиться в пятницу было плохой идеей. Со всех сторон доносились поздравления, хлопки открытых бутылок, крики «Горько!». Все это било по нервам, хоть я и старалась делать вид, будто мне безразлично. Но перед глазами как на зло возникали сцены трехлетней давности, когда на месте счастливой невесты была я.

У меня не было пышного платья — было простое, а-ля сарафан, купленное на распродаже в первом попавшемся магазине. Алиска украсила его цветами, она же сделала макияж и прическу, виртуозно вплетая в нее ромашки. Макс и вовсе был в джинсах, но в белой рубашке. Если бы не букет, меня бы и за невесту не приняли.

Из гостей — всего пятнадцать человек, считая родственни-

ков. Никакого зала в ресторане – мы просто гуляли по набережной всей толпой, ели мороженое, а под вечер завалились в кафе, мимо которого шли. Лимузины, отели – это все было не для нас, мы полночи добирались домой пешком – Максим нес мои туфли и меня, если асфальт впереди был разбит; мы много смеялись и шутили.

Это был самый счастливый день в моей жизни.

А сегодня я не чувствовала ничего, кроме тлеющей внутри тоски.

— Тебя подвезти?

Он снова стоял рядом и снова смотрел тем самым взглядом – немного любопытным, немного усталым.

— Нет, спасибо. Я на такси.

Знала я, чем это закончится. Сначала один на один в его машине, где воздух пропитан до боли знакомым запахом. Потом эти мысли надоедливые – а вдруг мы ошиблись? А вдруг еще получится? А, может, в последний раз?

Дальше: искра, буря, безумие, и мы приходим в себя в одной постели в его съемной квартире. Голые и уставшие.

Проходили мы это, недели через две после того, как подали заявление. Максим заметил меня на остановке, так же предложил подбросить. На улице был страшный ливень, поэтому я согласилась. Мы, разумеется, попали в пробку. В магнитоле заиграла та самая песня, под которую мы всегда танцевали на кухне. Сначала мы просто молча слушали, а потом он спросил: «Помнишь?...» И понеслось. Дурацкое «а,

может, в последний раз?» возникло само собой.

Нет, я не жалела. В постели Макс всегда был великолепен, и винить его было не в чем. А себя я винила — за то, что не удержалась, за проявленную слабость. Не нужно было никаких встреч после того, как мы решили раз и навсегда прекратить наше «вместе и навсегда».

Все, море в полном штиле, лодка разбита. Теперь каждый сам за себя — вплавь до ближайшей тихой бухты.

— Ну, тогда, видимо, пока? — неуверенно потянул Максим, запуская пятерню в волосы на затылке — жест, всегда выдававший его волнение.

Я понимала его чувства. Видела в его глазах те же самые вопросы и те же самые переживания, что донимали меня последний месяц. Но теперь у нас в руках по бумажке, доказывающей, что мы — чужие друг другу люди.

— Видимо, да, — снова попыталась в улыбку, но так и не поняла, удалось мне ее изобразить или нет.

— Счастливо, Боголюбова, — а у Максима с улыбками проблем не было: его губы растягивались вполне искренне, заставляя сердце сбиваться с шага, пока он протягивал мне руку. — Не поминай лихом, не забывай. Звони, если вдруг что.

Я пожала протянутую ладонь. Осторожно, едва касаясь, боясь, что прикосновение обожжет. Оно и обожгло.

— Не позвоню, Озеров. Ты же знаешь.

Его улыбка погрустнела, но Максим больше ничего не ска-

зал. Махнул мне на прощание, развернулся на пятках и побрел к улице, где припарковал свой внедорожник.

Я не стала смотреть ему вслед. Отвернулась в противоположную сторону, гордо подняла нос и уверенно шагнула вперед – к своему светлому будущему.

Светлому и, хотелось бы верить, такому же счастливому, как недавнее прошлое.

Глава 1. Ли́ка

— Долго нам еще?

— Семнадцать минут, — сверившись с навигатором, сообщила я.

Было душно. Кондиционер не справлялся, а в открытое окно толпой залетали мошки, пчелы и другая мелкая порхающая живность. И чего им не спалось в такую рань?

— Ой, так ма-а-ало, — на зевке протянула с заднего сидения Алиса и, перевернувшись на другой бок, преспокойно продолжила спать.

Везет ей. Я в машине вообще уснуть не могла.

На самом деле, было не слишком рано – начало одиннадцатого. Но для меня, привыкшей в субботу отсыпаться до обеда, сегодняшний отъезд был тем еще испытанием.

Из Питера мы выехали около восьми утра. Встать пришлось и того раньше, чтобы в сотый раз проверить свой походный рюкзак, одежду, обувь и прочие прелести туристической жизни. Учитывая, что я и на работу вставала позже, чувствовала себя я отвратно.

Но что не сделаешь ради встречи со старыми друзьями и похода по красотам Карелии?

Сережа с Мариной звали меня каждое лето по несколько раз, но я все время отказывалась по вполне понятной для нас всех причине. Мои отказы Игнатьевы воспринимали стой-

ко, и я все ждала, когда они перестанут мне предлагать. Но начинался очередной туристический сезон, и мой телефон оживал.

В этот раз я привычно отказалась, сославшись на дела и работу, хотя грядущий отпуск идеально накладывался на даты, в которые закадычные друзья планировали сплав. Было несколько тоскливо, потому что наши турпоходы мне действительно нравились: эти вечера у костра, песни под гитару, неторопливые переходы или бешеные заплывы на байдарках. До сих пор помнила, как замирало дыхание от величия природы, когда оказалась в Ладожских шхерах в первый раз.

Теперь скучала. И все из-за одного человека.

А позавчера вечером, когда я уже мысленно собиралась в отпуск к родителям, раздался звонок. Марина.

— Лик, наше предложение все еще в силе, — после обмена любезностями начала она. — Если тебе интересно, Тот-кого-нельзя-называть в этот раз мимо кассы. Так что кончай ломать комедию и приезжай, сто лет тебя не видела.

Я пообещала подумать, а потом набрала Алиске. Она всегда помогала мне разложить мысли по полочкам.

— Конечно, поехали! — тут же подорвалась лучшая подруга и, кажется, даже из-под одеяла вылезла. — Ты меня столько раз обещала взять с собой, а потом развелась и оставила сгорать от любопытства после твоих кинематографичных отзывов. А со мной так нельзя! У меня фантазия бога-

тая!

Десять минут спустя я уже стояла на кухне, сжимая в потной ладони телефон и пытаюсь уговорить разбуженного Кирилла. «Это же Карелия! Свежий воздух!» – верещала с громкой связи Алиса. В итоге под двойным напором Киру пришлось сдаться, и теперь именно он сидел за рулем джипа, уносившего нас в сторону Сортавалы.

Игнатьевой я решила не перезванивать – чтобы устроить сюрприз. На самом деле, по ним с Серегой я жутко тосковала: после развода мы почти не общались. Неудобно было: друзья семьи, а семьи больше не было. Да и не хотелось вынуждать их делить нас с бывшим мужем, поэтому я благо-родно отошла в сторону, ограничившись редкими звонками и поздравлениями с праздниками.

Марина с мужем жили недалеко от Сортавалы – в Красной горке. Ехать туда не то, чтобы долго, но все как-то времени не находилось, хотя меня и звали. Я все обещала, обещала... И вот, доехала.

Перед отправкой мы всегда собирались в кемпинге. Арендовали байдарки (только Игнатьевы всегда приезжали со своей), проверяли провиант, закупались тем, что забыли. Знакомились, если в компании появлялись новички. После ночевали на берегу залива, а ближе к обеду следующего дня неспешно стартовали.

Точного времени сбора не было, но по прошлым походам я помнила, что ранний приезд облегчал возможность при-

парковать машину и выбрать места для ночевки подальше от туалетов и дорог, поэтому на нашем маленьком совете из трех человек было решено ехать с утра. Совсем с утра не получилось, но половина одиннадцатого – уже рекорд.

Еще на парковке я заметила машину Сергея – он водил ярко-оранжевый древний Паджеро. Улыбка невольно проступила на лицо, потому что я действительно соскучилась и по суровому Сереге, и по его обаятельной жене.

Мы как раз парковались, когда Марина шла доставать что-то из автомобиля. Она-то меня и заметила.

— Лика? — разнеслось на всю парковку. Я от неожиданности дернулась, едва не приложившись головой о багажник, и выглянула в сторону крика. — Лика!

Маринка бросилась ко мне со всех ног. Я – к ней. На пути под дружный смех мы обнялись, крепко-крепко, словно прямо сейчас могли друг друга потерять. Я едва не плакала, Игнатьева – точно прослезилась, она всегда была самой чувствительной из нашей компании.

— Господи, Ликочка! — она отстранилась, чтобы рассмотреть меня, и снова резко прижала к себе. — Ты даже не представляешь себе, как я рада тебя видеть!

— И я, Мариш, — поддавшись порыву, я сжала объятия крепче и отступила, рассматривая подругу. Ничуть не изменилась за эти неполные три года: все такая же худенькая, длинноволосая, конопатая, хотя волосы у нее, как и у меня, каштановые. — Видишь, приехала!

— Ты умница! — Игнатьева расцеловала меня в обе щеки.

— Ты одна?

— Нет, — я посторонилась, давая рассмотреть подругу.

— Это Алиса, моя подруга, помнишь?

— Конечно, — и Алиске достались теплые объятия. —

И тебе очень рада. Готова спорить, это ты уговорила Лику выбраться из своей норы.

— Точно-точно, — улыбнулась эта огненная предательница и взмахнула своей рыжей косой. — Всю ночь уговаривала.

Дверца машины хлопнула, привлекая к себе внимание. Кир, достав рюкзаки и поставив около заднего колеса, шел к нам.

— А это Кирилл, — я протянула ему руку, чтобы прижаться к теплому боку. — Мой молодой человек. А это Марина, я тебе о ней рассказывала.

— Очень приятно, — вежливо поздоровался Иванов и протянул руку.

— Да, и мне.

Марина пожала его руку, но я видела, как улыбка ее из искренней превратилась в натянутую, а взгляд забежал из стороны в сторону.

Сердце кольнуло нехорошее предчувствие.

— Мариш? — я выбралась из мужских объятий и шагнула вперед. — Все нормально?

— Да, конечно, — она снова попыталась изобразить улыбку.

ку, но снова неудачно. Ее взгляд скользнул мне за спину, и я подумала, что она смотрит на наши вещи.

— Ты прости, что мы так, без предупреждения, — начала оправдываться я, чувствуя себя максимально глупо. Сделала, блин, сюрприз! Сидела бы себе дома, съездила бы в отпуск к родителям в деревню! Нет, поперлась на природу посмотреть, еще и Алиску с Киром за собой потащила. — Если что, мы и сами можем сплавиться, возьмем гида...

— Нет-нет-нет, Лика, ты что! — Марина схватила меня за руки. Ее глаза снова стрельнули мне за спину, а после вернулись почти печальными. Нет, какими-то... виноватыми? — Ликуш. Ты прости меня. Надо было позвонить и сказать тебе, но я была уверена, что ты не приедешь!

Я окончательно потеряла нить разговора. За что простить?

Где-то позади очередные хлопки дверьми оповестили, что прибыли новые туристы. И одновременно с этим мне на плечо легла худенькая ладонь.

— Эм... Лик. Проблемка, — похлопала меня Алиса, привлекая внимание.

Я обернулась, но подруга смотрела не на меня, а чуть дальше, на чужую машину.

Я посмотрела в ту же сторону.

Сердце сбилось с шага. Легкие забыли, как поглощать воздух.

— Лика?! — удивленно-возмущенное пролетело над пар-

ковкой.

Да, проблемка. Точнее и не скажешь.

Глава 2. Ли́ка

— Ли́ка?!

Ли́ка-Ли́ка-Ли́ка-Ли́ка. По пустой черепной коробке так и разносилось собственное имя, произнесенное голосом, который я не слышала два последних года. Эхо носилось туда-сюда, но даже не думало затихать, чтобы пустить внутрь более дельные мысли.

А Максим, чтоб его, Озеров уже спешил навстречу, счастливо улыбаясь. Точно такой же, каким я его помнила: высокий, подтянутый и неприлично красивый.

— Офигеть, Ли́ка! — Макс явно не верил, что я – это я, поэтому полез проверять еще и тактильно: сграбастал меня в медвежьи объятия и сжал до хруста в костях. В нос ударил его запах: морозный, свежий, с нотками хвои, и воспоминания полезли наружу без спроса. Хотелось расслабиться, прижаться к крепкой груди и прикрыть глаза. Но я еще помнила, что обнимал меня не Кир, а бывший муж, поэтому ограничилась корявым похлопыванием по плечу. — Вот это сюрприз!

Он отстранился. Я улыбнулась – и на этот раз у меня получилось вполне искренне.

— Привет, Макс.

Какая-то часть меня действительно была ему рада – та самая, что еще помнила хорошее. Другая настороженно зами-

рала.

— Не верится! — он улыбался и зарывался пальцами в волосы, наводя хаос в причёске. — Мне сказали, тебя не будет, а ты — здесь!

— Да-да, мне сказали то же самое, — согласилась я, косясь на Маринку. Вот за что она просила прощение: за моего бывшего.

Игнатьева краснела и прятала глаза. Все понятно, глубину своей ошибки она осознала.

— Да-а-а, мы до последнего не собирались, — протянул Макс, почесывая затылок и поглядывая в сторону.

— Мы? — зацепилась за непривычное слово, и только после этого додумалась осмотреть парковку в поисках знакомого внедорожника.

Лучше бы не смотрела, право слово, потому что находила его моментально, словно магнитом взгляд притянуло. Но кроме вездехода обнаруживала еще и симпатичную блондинку, позирующую с телефоном в руках.

Она, словно почувствовав наши взгляды, оторвалась от своего занятия, помахала рукой и походкой от бедра двинулась в нашу сторону.

— Мы тоже собрались за два дня, — вступил в разговор Кирилл. Его рука бережно обхватила меня за талию, и я сразу же почувствовала себя уютнее.

— Кирилл, это Максим. Максим, это — Кирилл, — быстро представила я мужчин.

— Тот самый хороший бывший муж? — по-доброму усмехнулся Кир, протягивая ладонь.

— Похоже на то, — усмехнулся Озеров, как-то странно поглядывая на меня. Не с упреком, но очевидным вопросом, что же такого я о нем рассказывала.

На самом деле, даже если бы я очень хотела чем-то очернить его в чужих глазах, у меня не получалось. Просто не приходило на ум ни одного поступка, который можно было однозначно расценить как вселенское зло. Даже ошибки, которые Макс совершал в наших отношениях, он делал такие... добрые что ли, за которые его и ругать глупо.

С чего же мы тогда развелись? Не совпали характерами, — именно так я ответила несколько месяцев назад Кириллу на закономерный вопрос. Озеров оказался слишком легким на подъем для моего фундаментального мира. А я — слишком приземленной для его воздушных мечтаний.

Но вспоминала я его всегда с позитивным посылом, на что Алиска и придумала это прозвище — «хороший бывший» — которое быстро стало именем нарицательным в моем небольшом окружении.

— Зато теперь мы точно можем быть уверены, что не подохнем в этом походе! — заключила моя лучшая подруга и выступила вперед. — Ну, привет, что ли, горный человек!

— Привет, Рыжуля, — в тон ответил Максим, обнимая Алису и целуя ее в щеку. У них всегда были хорошие отношения, но я не ревновала — радовалась, что два моих самых

близких человека легко нашли общий язык.

— А меня со всеми познакомите? — пропел слащавый голосок, и руку Озерова тут же обвили пальцы со свежим маникюром.

Новая пассия моего бывшего мужа выглядела типичной дивой из соцсетей: подтянутая фигура, попа орехом, дутые губы. Все в меру, но ненастоящая какая-то. Ресницы – накладные, брови – нарисованные, грудь в глубоком вырезе майки... тут судить не берусь, но торчали подозрительно.

Кажется, с момента развода вкус у Озерова значительно испортился.

— Это Яна, — представил сразу всем свою спутницу Максим. — А это Лика, моя бывшая жена, ее подруга Алиса и друг Кирилл.

— О, та самая Лика? — блондинка с идеально зачесанными назад волосами сложила свои губы такой удивленной буквой «о», что мне срочно захотелось потрепать ее по щеке и дать с полки конфетку. — Очень хотела с тобой познакомиться, Макс столько о тебе рассказывал! Ой, ничего, что я на «ты»?

Сама непосредственность. Она еще глазами так хлопала, прям как в песне про ресницы, и я всерьез начала переживать, что девица сейчас взлетит. Сколько ей? На вид точно младше меня. Это так у Озерова кризис среднего возраста проходил, что на малолеток потянуло? Никогда бы не подумала, что в тридцать четыре мужиков начинают привлекать

силиконовые барби.

— Все нормально, — ответила я на ее последний вопрос, пропустив все остальное. Знать, что именно обо мне рассказывал своей девушке Озеров, было интересно, но не настолько, чтобы подаваться в расспросы прямо сейчас.

— Так, — Марина, отмалчивавшаяся все это время, хлопнула в ладоши, привлекая внимание. — Раз все перезнакомились, пойдемте скорее занимать места. И нужно будет разобраться с байдарками, а то теперь нам точно их не хватает. Дел – вагон! Все за мной!

Мы подхватили свои рюкзаки. Что мне нравилось в Кирилле, он не пытался геройствовать там, где это неуместно. Никакого «Оставь, это тяжелое, я сам!», если пакет весил всего ничего. Никаких «Это не женское дело», если я пыталась забить гвоздь или подкрутить крючок в ванной. Он рационально подходил к вопросу моей самостоятельности и не пытался подавлять, поэтому и сейчас свои вещи я несла сама, а Кир и не заикался о том, чтобы увеличить свой скарб.

А блондинка, как я успела заметить, шла налегке, с одним маленьким шопером на плече. Зато Озеров тащил сразу два вместительных баула. Не то чтобы меня это волновало, но заметку я себе сделала.

После была еще одна долгожданная встреча со старыми друзьями: с Серегой я обнималась всего ничего, а вот Паша, их общий с Максом друг, тискал меня добрых пять минут. У нас всегда была хорошая компания, и мы как-то сразу друг к

другу прониклись симпатией, доверием и признательностью. По всему этому я и скучала: по атмосфере дружелюбия и теплоты, и сейчас немного растрогалась, украдкой вытирая слезу, пока Кир и Алиска здоровались с остальными.

Была уверена, что моей минутной слабости никто и не заметил, но, когда оборачивалась назад, поймала задумчивый взгляд Озерова. Что мне оставалось делать? Ничего. Поэтому я его проигнорировала.

— А это – Дениска, — представил Паша, которого все звали «Пахом» из-за созвучной фамилии. — Подающий надежды молодой ветеринар!

Подающий надежды счастливо улыбался, когда старший товарищ обнимал его за плечи и трепал по голове, как младшего брата. Видно, что отношения между ними были самые дружеские.

Очередная порция взаимного знакомства, и мы пошли искать место для нашей большой компании – то, что присмотрели Марина с Серегой, оказалось слишком маленьким. Потом были расстановка палаток, общий сбор для обсуждения маршрута, перечисление припасов, споры об их количестве. В итоге мужчины были изгнаны в ближайший магазин – закупаться по списку, а девочки остались в лагере.

Я никак не могла понять, что я чувствовала. С одной стороны, я была дико рада увидеться со всеми – Игнатьевыми, Пахомом. Ловила искренний кайф от вида с берега озера и всей этой туристической движухи.

А с другой, постоянно краем глаза цеплялась за бывшего мужа и его новую подружку.

У меня же ничего к нему не осталось, верно? Два года прошло. Два места очень сложных, местами очень радостных года. У меня все было хорошо: я научилась жить одна, я научилась спать одна, научилась сама себе готовить завтрак.

Научилась любить заново, когда появился Кирилл.

У меня все прекрасно! Работа, друзья, любимый человек.

И к Максиму у меня только светлые чувства. Дружеские.

Дружеские же, да?

Глава 3. Ли́ка

— Эй.

Марина подошла тихо, или это я не заметила, погруженная в свои мысли. Оказывается, резать салат и не коситься в сторону мужчин – это очень, очень сложное занятие.

Вечер медленно опускался на лагерь. Организационные вопросы были решены, провиант – закуплен и распределен по всем рюкзакам, палатки расставлены, спальники – разложены и теперь просто ждали своего часа. Мы же, нагло отжав себе один из нескольких деревянных столов в кемпинге, собирались ужинать.

Мужчины кучкой стояли у мангала, над которым усердно трудились Сергей, Паша и Кирилл. Максим, с щипцами в руке, что-то оживленно объяснял, а Кир внимательно слушал, кивая. Ненадолго поймав мой взгляд, он улыбнулся мне теплой, спокойной улыбкой. Я ответила ему тем же.

Алиска чуть в стороне, прислонившись к дереву, беседовала с Денисом. Тот с восхищением ей что-то рассказывал, а моя подруга вежливо улыбалась, пряча за этим дичайшую скуку. Молодой ветеринар сразу же взял Рыжулю в оборот, но до откровенного флирта пока не опускался. Просто окружал вниманием и заботой – рюкзак перенес, с палаткой помог. Это было... мило. Жаль, только Алиса не оценила.

Марина до недавнего времени соображала бутерброды, а

теперь, поставив тарелку точно на середину неровной, давно высохшей на солнце и разбухшей под дождями столешницы, присаживалась рядом и прижималась виском к моему плечу.

— Тебе помочь?

— Нет, — я улыбнулась с благодарностью, закидывая порезанные кубиками помидоры в тазик к огурцам. — Я уже почти закончила.

Очередной взрыв смеха заставил вздрогнуть и перевести взгляд вперед. Мужчины громко хохотали, Максим, переворачивая шашлык, что-то сказал Кириллу, и тот, улыбаясь, одобрительно хлопнул его по плечу. Вот об этом я и говорила: хороший бывший. Даже с нынешним умудрился поладить.

— Лика, ты прости меня еще раз, — выдохнула вдруг Марина и подняла на меня свои глубокие, как озера, голубые глаза. — Чувствую себя такой дурой! Я должна была тебе позвонить. Но ты же сама сказала в прошлом году, что «эта тема закрыта», и я была на все сто уверена, что ты не приедешь. А когда ты появилась сегодня... у меня сердце в пятки ушло.

— Все нормально, — положив руку на плечо подруги, кажется, в сотый раз подтвердила я. — Сама виновата. Надо было предупредить, а я все «сюрприз», «сюрприз».

— Сюрприз замечательный, — поддержала меня Игнатьева. — Я очень тебе рада. Столько всего хочется с тобой обсудить, что я готова Серегу из палатки выгнать и загнать ту-

да тебя!

— Тогда завтра на байдарке я точно заплыву куда-то не туда! — рассмеялась я, а Маринка подхватила.

Распределение по байдаркам заняло целый час и сопровождалось бурными спорами. У Игнатьевых лодка была своя — они ее завели еще в те времена, когда мы не были знакомы, и вечно таскали старую, потертую посудину за собой. Обычно мы брали еще несколько двухместных в аренду и спокойно передвигались по шхерам.

Но сейчас у нас было слишком много неопытных гребцов, которых нельзя было оставлять одних. Плюс — две парочки, которые не сильно хотели разбиваться.

Я бы хотела плыть вместе с Кириллом, потому что я ему доверяла. Но с его весом наше положение в лодке становилось неэффективным: из-за него байдарка будет зарываться носом в воду, и я просто не смогу ей управлять. Поэтому пришлось соглашаться с доводами разума, звучавшими голосами Максима и Сергея, и отпускать Кира в свободное плавание, а себе в компанию брать Алиску. Она была счастлива.

Озеров, разумеется, рассчитывал на компанию своей Яны, но и тут встала проблема: три оставшиеся мужика на трехместную байдарку, куда планировалось сложить еще немало вещей, делали плавсредство неповоротливым и слишком медлительным. Стало очевидно, что либо Дениса, либо Кирилла нужно куда-то отсаживать. Маринку с Сере-

жей никто и не пытался разбивать – и дань уважения, и понимание, что именно они в этом заплыве будут лидерами. А вот Озерову пришлось сдаться.

А так как вес у него был немаленьким, и его нужно было чем-то балансировать, в пару ему достался... Кирилл.

Это могло быть очень смешно, правда. Все и поржали – Пахом так и вовсе окрестил эту байдарку «лодкой бывшей и настоящей любви», за что я кинула в него полотенцем. Но я почему-то чувствовала себя неловко. И, судя по скромной улыбке Максима, он мои эмоции разделял.

Поэтому, наверное, было здорово, что Макс и Кир нашли общий язык – значит, им вместе завтра будет проще. Но что-то в этом партнерстве не давало мне покоя, и я никак не могла понять, что именно.

Не ревновала же я Кирилла к бывшему мужу? Точно нет. — Ой, девчонки, вы уже все сделали?

Счастливая Яна остановилась напротив нас, уперев руки в стол. Раскрасневшаяся, взлохмаченная. Если бы Озеров не находился все время в поле моего зрения, я бы подумала, что они минуту назад заканчивали стресс-тест своей палатки. Но нет, Яночка просто... бегала. Ритуал у нее такой. Перед сном.

Заявила она об этом ровно перед тем, как мы собрались накрывать на стол. «Ой, девочки...» и дальше объяснения, что у нее по плану пробежка. Извинилась, конечно, что не может помочь, но осадочек остался.

А теперь она стояла напротив в своем спортивном костюме, прилипающем к ее спине, и я думала о том, как она собирается еще неделю ходить в нем, пропахшем потом? Или дива рассчитывала, что в походе ей еще и вещи будет кто-то стирать?

— Да, почти, — Марина, само добродушие, тут же улыбнулась. Как пушистый белый зайчик, она любила всех вокруг, за что я ей откровенно завидовала. У меня так не получалось, я все время искала в людях что-то плохое, когда Игнатьева видела только хорошее. — Но можешь расставить тарелки и разложить вилки.

Перегнувшись через стол, Мариша подхватила упаковку одноразовой посуды и протянула Яне. Та подняла вверх указательные пальцы и тут же выдала:

— Окей, один момент, только переоденусь и помою руки. И что она сделала? Все верно: сбежала.

— По-моему, она уже в третий раз ходит переодеваться, — приближаясь к столу, озвучила мои мысли Алиска. Денис, судя по всему, утомил ее достаточно, чтобы она от него удрала.

— Ой, да ладно вам, — отмахнулась наша мать Тереза. — Видно же, что неопытная. Завтра поплавает, прогуляется и быстро поймет, что одевать и как себя вести.

— Угу, а мы пока поработаем за нее, — недовольно ворчала Рыжуля, принимаясь раскладывать тарелки вместо Яны. Хотелось бы верить, что Марина окажется права, но поче-

му-то пока я была целиком и полностью на стороне Алиски.

Ужин прошел весело и задорно. Вкусный шашлык, задорные байки Пахома, домашнее вино, которое готовили Игнатьевы – все складывалось в почти идеальную картину. Почти. Потому что был у нее один маленький светловолосый изъян.

Оказалось, Яна не употребляла майонез. Только сметану. Поэтому наш щедро политый белым соусом салат ее сильно расстроил.

А еще она не ела свинину после шести вечера – слишком жирная. И хлеб ей нужен цельнозерновой, а не пшеничный или ржаной. Сообщала она обо всем этом, когда стол уже был накрыт, и делала без претензий, сразу же переводя все в шутку, но и меня, и Марину, и даже Алиску, которые занимались сегодня кухней, подобные заявления задели. Хуже всего было Игнатьевой – она так расстраивалась, когда кому-то было некомфортно, что едва не плакала. Ох, сколько она извинялась перед Яной!

В итоге эта кукла, сменившая спортивный костюм на нелепо ажурную кофточку, ограничилась курицей и свежими овощами. От домашнего вина она тоже отказалась, поэтому большую часть времени сидела, обнимая Озерова за предплечье, из-за чего ему приходилось тянуться за едой непрофильной левой рукой. Клянусь, в какой-то момент мне его даже жалко стало! Но он сам, казалось, был совершенно спокоен и даже счастлив в своей новой роли.

— Господи, я как будто в комедийный сериал попала, — на ухо мне шептала Алиса, как я глядевшая на сидевшую чуть по диагонали парочку. — Вот это ты мужика своим разводом сломала, мать.

Я только пожала плечами. Когда мы разводились, все с Озеровым было нормально. Так что если его кто где и сломал, то явно уже после меня.

Когда основная часть ужина подошла к концу и началась неспешная часть с чаем и долгими разговорами, Марина снова оказалась рядом. Мужчины в компании Яны уже сидели у костра, тихо переговариваясь, а мы с Алиской, захмелевшие после вина, накинули на плечи пледы и грели руки о теплые чашки. Рыжуля как раз отошла в кустики, когда ее место заняла Игнатьева, до этого восседавшая у мужа на коленях.

— Лик, а можно откровенно? — почему-то прошептала она, отодвигая наши тарелки подальше от края стола.

Раньше мы часто секретничали друг с другом, пока наши мужчины были заняты чем-то в стороне, поэтому откровениями напугать меня было сложно. А вот таким серьезным взглядом — очень легко.

— Конечно, Мариш, — я все-таки смогла выдавить из себя улыбку. — Мы же всегда были на «откровенно».

Она кивнула, нервно теребя пальцами край накинутой шали.

— Ты и Максим, — будто нехотя произнесла Игнатьева. — Ты прости, но... я вижу, как ты на него смотришь. И на

Яну. Скажи честно... это ведь не будет проблемой? Для тебя? Для... вас с Кириллом?

Я откровенно удивилась. О какой проблеме речь? Что Озеров, что его девчонка были мне совершенно по барабану.

Взгляд невольно метнулся туда, в сторону огня, где Кир и Максим сидели на соседних бревнах и что-то увлеченно обсуждали, периодически расковыривая веткой угли.

— Он же... он для тебя не совсем прошлое, да?

Вопрос заставил меня вздрогнуть и вернуть внимание Марине. Она смотрела на меня с какой-то верой в глазах, будто надеялась, что я... соглашусь? Будто признаюсь, что вид Максимовской улыбки до сих пор заставлял сердце биться чаще? Что его смех — это тот самый звук, под который я засыпала годами, и которого мне сейчас не хватало? Что эта «Яночка» вызывала у меня приступ самой черной, иррациональной злости?

Нет. Ни за что.

Я фыркнула, закатив глаза с такой театральной выразительностью, на какую только была способна.

— Ой, да перестань! Ну, смотрю я на них. Ну, интересно же — во что он вообще такое вляпался? Это же чистой воды антропологическое наблюдение! Сама по суди: я его столько лет знаю, а тут вдруг рядом с ним такая... Яночка. В голове не укладывается!

Марина скупно улыбнулась, признавая мою правоту. Я сделала глоток чая, давая себе секунду на то, чтобы собраться

с мыслями.

— Я не буду говорить, что Макс для меня – чужой человек. Конечно, нет. Но сейчас он – как тот старый добрый учебник по истории за девятый класс. Все в нем знакомо, все ясно, местами даже с любовью исписаны поля, но перечитывать его с первой до последней страницы – нет уж, увольте. Хороший бывший он и есть хороший бывший. Не более.

Марина смотрела на меня с легким сомнением, но в ее глазах уже читалось облегчение. Эти походы – ее детище. Она очень переживала, чтобы во время них у всех все было хорошо.

— Ты уверена? — на всякий случай переспросила она.

— Абсолютно, — выдохнула я, и на этот раз моя улыбка стала чуть более настоящей, потому что я и сама почти в это поверила.

Со стороны костра снова раздался смех. Кирилл, улыбаясь, что-то сказал, а Максим, повернув голову, бросил взгляд прямо на нас. На нашу с Мариной уютную парочку. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на мгновение – недолгое, но до жути внимательное – и снова вернулся к Кириллу и прижал к себе крепче свою Яну.

В этом взгляде, подаренном мне, не было ни капли «учебника по истории». В нем было что-то живое, теплое и до боли знакомое. Что-то такое, что заставляло глупое сердце сбиваться с шага.

И пока я ловила это неуловимое ощущение, где-то внутри

крепло очень нехорошее предчувствие.

Кажется, я только что соврала хорошей подруге.

Никакой абсолютной уверенности во мне не было и в помине.

Глава 4. Максим

Кирилл оказался... нормальным мужиком.

Даже не знаю, радовало меня это или расстраивало. С одной стороны, хотелось, чтобы Лика была в хороших руках – как-никак, бывшая жена, не чужая. У меня к ней только светлые, теплые чувства, и я ей искренне желаю счастья.

С другой стороны... хотелось веслом да по затылку этому «нормальному мужику».

Но весло в руках лежало послушно, вспарывая стеклянную гладь залива. Я сидел на корме нашей двухместной байдарки, чувствуя ее каждый малейший крен. Кирилл впереди, у носа. Он был моим мотором, а я – рулем. И это было чертовски странное ощущение – вести лодку, в которой сидел мужчина, сменивший тебя в жизни твоей жены.

Бывшей жены, конечно же.

Впереди, метров на сто, скользила по воде яркая байдарка Марины и Сергея. Слева по курсу – трехместная ладья, где Паша, Денис и Яна создавали свой маленький, шумный мирок. А чуть правее, почти поравнявшись с нами, – Лика и Алиса.

Я видел только ее спину, напряженные плечи под обтягивающей майкой и ритмичные движения весла. Бывшая Озерова не оборачивалась. Ни разу. Как будто мы с Кириллом были пустым местом.

А Кирилл... Черт, да он был идеален. Греб ровно, без сбоев, слушал мои редкие замечания, даже шутил, глядя на Пашину команду.

«Смотри, их качает, — мысленно комментировал я, — а мой тут как тут, стабилен и надежен».

Ветер дул в лицо, холодный, ладожский, неся с собой запах воды и сосен. Я глотнул его полной грудью, пытаюсь смыть с себя вчерашнее. Вчерашнюю Лику.

Когда я ее увидел на парковке, мир на секунду рухнул, а потом собрался заново — новый, яркий и оглушительный. Она стояла, вцепившись в руку того самого Кирилла, и смотрела на меня широкими глазами. Все та же. И вся другая. Раньше, когда она удивлялась, на лбу у нее появлялись едва заметные складочки. Сейчас их не было. Может, научилась контролировать себя лучше.

Мой взгляд скользнул к трехместной байдарке. Яна, поймав его, радостно помахала мне рукой. Я ответил кивком. С ней все было легко. Никаких сложных материй, никаких загадок. Простая, яркая, беззаботная. Не то что Лика, в которой всегда была какая-то глубина, куда я в свое время с головой нырнул — и чуть не захлебнулся. С Яной можно было просто дышать, не думая о последствиях. Она — как летний ветерок, а Лика — как эта ладожская вода, холодная и таящая подводные камни.

Почему же тогда я не мог отвести от нее глаз? Следил за каждым движением, ловил каждый случайный взгляд? На-

верное, срабатывал старый рефлекс. Привычка. Лика же давно в походах не была, могла и навык растерять. А Рыжуля — и вовсе новичок. Кто, как не я, должен убедиться, что они справлялись? Чисто по-дружески.

— Макс, слева мель, — спокойный голос Кирилла вывел меня из раздумий.

Я машинально сделал легкий гребок, корректируя курс. Мужик, черт возьми, оказался не только нормальным, но и внимательным. На моей же территории чувствовал себя уверенно. Это бесило.

— Вижу, — буркнул я. — Спасибо.

В этот момент Лика наконец обернулась. Не на меня. На Кирилла. Ее взгляд был быстрым, теплым, ободряющим. Мол, справляешься? Он в ответ улыбнулся ей своей спокойной, надежной улыбкой. И снова принялся за греблю.

А мне вдруг до тошноты захотелось быть на его месте. Сидеть в одной лодке с Ликой. Чувствовать ритм ее движений. Слышать ее смех. Видеть, как те самые складочки возникали у нее на лбу, когда из-за очередного поворота выплывал новый остров или скала.

Но я был здесь. На корме. Рулевой в чужом плавании. И мой единственный пассажир был живым напоминанием, что все, что было у меня самого хорошего, осталось в прошлом.

— Держим курс на ту скалу с сосной, — голос Кирилла был ровным, без одышки. — Сергей сигнализ.

Я кивнул, хотя он этого не видел. Скала с одинокой сосной

на вершине – наш первый ориентир. Старый знакомый. Мы с Ликой когда-то на нее забирались, чтобы встретить закат. Сидели, плечом к плечу, молчали, а солнце медленно тонуло в розовой дымке шхер. Тогда казалось, что это навсегда.

Я резко дернул веслом, отгоняя наваждение. Прошлое. Всего лишь прошлое.

— Погода радуется, — заметил Кирилл, видимо, пытаюсь разрядить молчание. — Повезло.

— Угу, — буркнул я. — Главное, чтобы ветер не усилился.

Мой взгляд снова сам собой уплыл к другой байдарке. Лика и Алиса что-то оживленно обсуждали, разглядывая окрестности. Лика показывала рукой вперед, и я поймал себя на том, что знаю этот жест – точный, уверенный. Так она всегда объясняла мне маршруты, когда я слишком увлекался мечтами и терял нить реальности. Она была моим якорем. Пока я не сорвал его с цепи.

Яна снова привлекла мое внимание беззаботным смехом. Она сняла кепку и ловила ветер распущенными волосами, а Паша и Денис с ухмылками подыгрывали ей. Легкая. С ней не надо было быть кем-то, кроме себя – простого, без глубоких мыслей и груза старых ошибок. Это был мой выбор. Правильный выбор.

Почему же тогда в груди похолодело, когда я увидел, как Лика негромко рассмеялась чьей-то шутке? Ее смех, какой-то новый, более свободный, долетел до меня обрывком и впился в сердце осколком.

— Кажется, у Алисы проблемы с веслом, — вдруг произнес Кирилл, и в его голосе впервые прозвучала тревога.

Я мгновенно сфокусировался. Действительно, Рыжуля беспомощно пыталась выровнять лодку, а их байдарка начала описывать неровную дугу. Сердце упало. Новенькие. Я же знал.

— Ничего страшного, — сквозь зубы пробормотал я, больше для себя. — Сейчас справятся.

Но они не справлялись. Лика пыталась подсказать что-то Алисе, пока их лодку разворачивало боком к волне. Мелкой, но уже заметной.

— Макс, — Кирилл обернулся, и его спокойное лицо выдавало беспокойство. Он уже перестал грести, глядя на них.

Внутри все сжалось. Инстинкт, выточенный годами в горах и на воде, кричал одно: надо помочь. Но другая часть, уязвленная и гордая, шипела: «Она не твоя. У нее есть он».

И в этот момент Лика сама справилась. Резким, точным движением она развернула байдарку, перехватила инициативу, и через секунду они снова шли ровно. Алиса, красная от усилий, что-то кричала ей, а Лика лишь улыбалась своей новой, спокойной улыбкой, которую я раньше не видел. Улыбкой человека, который научился обходиться без тебя.

— Все в порядке, — сказал я Кириллу, и голос мой прозвучал хрипло. — Видишь, справилась.

Он кивнул, медленно развернулся и снова взялся за весло. Но его плечи были уже не так расслаблены.

А я смотрел на спину бывшей жены и понимал, что ошибался. Она была не холодной ладожской водой. Она была самой этой стихией – сильной, независимой и прекрасной. И той пустоты, что я пытался заполнить яркими огнями, она касаться больше не хотела.

Мы проплыли еще несколько часов, делая небольшие перерывы прямо на воде, прежде чем причалили к пологому каменистому берегу. Воздух звенел от наступившей тишины, нарушаемой лишь плеском воды и криками чаек. Пока все выбирались из байдарок и начинали растаскивать снаряжение, я замер на секунду, наблюдая за суетой.

— Максим! Наконец-то!

Теплые руки обвили мою талию сзади, и к щеке прижалось бархатное лицо. Яна. Пахло солнцезащитным кремом и сладкими духами.

— Я так соскучилась, — прошептала она, прижимаясь сильнее. — Ты весь день там, в своей лодке, а я тут одна.

Я развернулся и обнял ее, позволив себе на секунду утонуть в этой простой, беззаботной ласке. Янка была такой теплой, живой и абсолютно ясной. Никаких сложных взглядов, никакого подтекста.

— Я тоже, — ответил я, и это была правда. С ней было все максимально понятно. Она не требовала разгадывать ее как ребус.

— Пойдем сфотографируемся! — Яна схватила меня за руку и потянула к гранитному валуну, нависавшему над во-

дой. — Тут такой фон — просто сказка! Надо же людям показать, где мы были.

Я позволил себя вести. Она ловко забралась на камень, поправляя шорты, и протянула мне руку. Ее ладонь была маленькой и уверенной в моей.

— Держи телефон, — она вручила мне свой сверкающий гаджет. — Ты только не отрежь мне ноги, как в прошлый раз!

Я улыбнулся. Она постоянно меня веселила: строила смешные гримасы, принимала гламурные позы, а потом смеялась над собственными неудачами. Мы сделали с десятков кадров — она на фоне воды и неба, мы вдвоем, я ее кружу на руках. Все как должно быть. Я ловил ее радостные взгляды в объектив и думал: вот оно, настоящее. Простое и яркое.

— Ой, смотри, камень шатается! — вдруг вскрикнула Янка, смеясь и пытаясь удержать равновесие на краю валуна.

Я мгновенно подхватил ее, оберегая от падения. Она визжала от восторга, цепляясь за мои плечи.

— Аккуратнее, — улыбнулся я, все еще держа ее. — Здесь не подиум.

— Ну, ты же меня поймал, — она задрала на меня свои подведенные стрелками глаза, сияющие от адреналина и внимания. — Мой личный спасатель.

Целоваться с ней было приятно. От нее все время пахло цветами, а губы на вкус казались спелыми ягодами. В моих руках она была такой маленькой, податливой, трепетной, что ее постоянно хотелось защищать.

Принцесса, а не рыцарша в сияющих доспехах.

Яна откликнулась мгновенно: вот только целовались, а уже она висела на мне, как обезьянка, цепляясь руками и ногами и прижимаясь так крепко, что примитивные инстинкты выступали наружу. Утащить бы ее... в башню. И запереться там.

— Кхе-кхе.

Янка тут же спрыгнула с меня, глотая смешки. Позади стояла Алиса с ворохом спальных, вытянутых из байдарки.

— Вы бы хоть до палатки дошли, — ворчала она, глядя на нас с легкой насмешкой, граничащей с брезгливостью. — Не хотелось бы напоминать, что вы тут не одни. И что кроме вас тут есть непарные личности.

— Не завидуй, Рыжуля, — предложил я ей.

— Ох, было бы чему, скалолаз. Было бы чему.

Она бросила на меня быстрый взгляд — всего секунду — но я вдруг почувствовал, что она не одобряла. Меня? Яну? Меня с Яной? Кто бы знал. В любом случае, я почувствовал внезапный укол раздражения.

Ну и пусть смотрит. Ну и пусть не одобряет. У меня есть то, что нужно. Легкость. Радость. Никаких сложностей.

— Ладно, хватит селфи, — сказал я, переплетая наши с Янкой пальцы. — Пойдем, выберем место для палатки лучше.

— Там, где подальше от муравьев! — тут же выдвинула она свое условие, и мы пошли вдоль берега, обходя разбро-

санные рюкзаки.

Я чувствовал ее теплое прикосновение и был благодарен ей за эту простую ласку. Она была как глоток свежей воды после долгого пути. А все остальное – старые взгляды, чужие оценки – не имело никакого значения.

Я сделал свой выбор. И он был правильным.

Глава 5. Ли́ка

— Есть еще колышек?

— Да, конечно. Держи.

Я протянула Кириллу металлическую спицу, и его пальцы на секунду коснулись моих. Теплые, надежные. Он молча вставил колышек в петлю растяжки, а я, присев на корточки, натягивала тент, стараясь, чтобы ни одна складка не нарушила идеальную геометрию нашей палатки. Мы работали молча, слаженно, будто ставили ее не в первый раз. Он – силовая опора, я – зоркий глаз. Все как всегда. Все как надо.

— Фух, готово, — Кир выпрямился, смахивая капли пота с виска. — Надеюсь, ветер не усилится.

— Сомневаюсь, — я машинально ответила, глядя на безмятежную гладь залива. — Небо чистое.

Ладога – прекрасна. Эти горные острова, вырастающие из воды как айсберги, эти кривые, но высокие сосны, которые держатся, казалось, на одном честном слове. Нависающие над водой елки, огромные валуны причудливой формы. Настоящее величие природы, подчеркнутое тихим шелестом ветра или плеском воды.

И в этот момент с другого конца поляны снова донесся смех. Высокий, визгливый, пронзительный, как ушибленный палец. Яна. Она несла свой дурацкий шопер к их палатке, пока Максим нес одновременно и рюкзак, и подстилки, и

спальники, и еще бог знает что. А она лишь подтанцовывала рядом, громко и детально расписывая, как ей тяжело и как она устала.

А она ведь даже веслом сегодня ни разу не взмахнула. Всю работу за нее выполняли Пахом и Денис.

— Ой, Максим, смотри, какой паук! Прямо огромный! А он не ядовитый? Правда, не ядовитый? Ух ты!

Я сжала в руке мешочек с колышками так, что костяшки побелели.

— Лик, — Кирилл положил руку мне на плечо, и я вздрогнула. — Все в порядке?

— Да, конечно, — я заставила себя улыбнуться, отводя взгляд от громкой пары. — Просто... немного устала с дороги.

Не стала уточнять, что эта усталость была приятной. Плечи немного тянуло с непривычки, пальцы подрагивали, но меня переполняло вдохновение. Открытая вода, уверенная гребля, постоянное напряжение – кого-то, вроде Алиски, это пугало. А я... наслаждалась каждой минутой.

Я никогда не была в качестве рулевого – разве что раз или два, когда мы с Маринкой катались в одной байдарке. Обычно всю ответственность брал на себя Макс, и это было здорово – чувствовать себя в безопасности за его широкой спиной (фигурально, ведь обычно он сидел позади меня). Но сегодня, понимая, что главная – я, меня переполняло гордостью и каким-то незамутненным счастьем. Немного – волнением,

но я верила, что справлюсь. И теперь гордилась собой, особенно за момент, когда моя Рыжуля потеряла концентрацию и развернула нас боком к волне.

В тот момент я как наяву слышала ровный голос Озера-ва, объясняющий мне, как управлять такой лодкой. Как сделать гребок, как подставить весло, куда перенести центр тяжести. Оказывается, я запомнила все его уроки. И помнила до сих пор.

— А, по-моему, ты лукавишь, — проницательно подметил Кирилл, закрывая мне обзор на бывшего мужа и его нынешнюю пассию. — Скажи честно, это из-за твоего бывшего мужа?

Скрывать что-то от Иванова было бесполезно, поэтому я выдохнула и сдалась:

— Не из-за него. Из-за нее.

Словно в ответ на мои слова над стоянкой в очередной раз пролетел залиvistый смех. Я закатила глаза и шагнула вперед, утыкаясь лбом в плечо Кира. Его руки тут же легли мне на спину, приобнимая и слегка поглаживая.

— Она меня бесит. Ты только посмотри, она же совершенно не приспособлена к таким заездам!

Я неопределенно повела ладошкой, чтобы не указывать в нужную сторону. Судя по тихому хмыканью, Кирилл прекрасно меня понял.

— Меня выводит из себя эта... постоянная театральность. Эти восторги по поводу каждого листочка. Этот громкий

смех, будто она на сцене. Она же не ребенок, в конце концов.

Кир шумно выдохнул и чуть отодвинул меня за плечи.

— Ты же понимаешь, что мы в любой момент можем собрать вещи и повернуть назад? — заглядывая мне в глаза, поинтересовался он. — Тем более, что курс молодого байдарочника я сегодня успешно прошел.

Я невольно улыбнулась. Кирилл во всем был хорош, даже в гребле на байдарке, которую видел впервые в жизни.

— Не хочу назад, — призналась я и обвела взглядом другую часть поляны с палатками Игнатьевых, Алиски, Пахома и Дениса. Их негромкие на фоне Яны переговоры, неторопливые сборы и улыбки почти нивелировали все неудобства. — Я так скучала по таким сборам, ты себе не представляешь. Не хочу, чтобы все портила какая-то девчонка.

— Тогда просто не обращай на нее внимания, — предложил самый простой выход Кир. Простой в предложении, но не в реализации. — Занимайся тем, чем ты хотела заниматься в этом походе. Хочешь, пойдем прогуляемся по острову?

Я посмотрела на Маринку.

— Я обещала помочь с ужином, — неуверенно попыталась я отказаться, но Кирилл был непреклонен.

— Ерунда! Ты не обязана постоянно этим заниматься, — уверенно заявил он и обернулся на сто восемьдесят градусов. — Эй, Ян!

Девчонка, замершая у палатки с неизменным телефоном, вздрогнула и принялась оглядываться. Иванову пришлось

помахать рукой, чтобы привлечь к себе внимание.

— Поможешь с ужином? Нам с Ликой надо пройтись.

И, не дожидаясь согласия, Кир подхватил меня под руку и потащил в противоположную от лагеря сторону.

— Я?.. Ну... наверное... только... — пыталась что-то говорить Яна, но мы уже ее не слышали, скрываясь за деревьями.

Кир умел решать проблемы – быстро и четко. Это мне в нем и нравилось.

Мы шли по узкой тропе, выходящей меж сосен и гранитных валунов, покрытых мягким ковром мха. Кирилл не отпускал мою руку, его пальцы были теплыми и нежными. Я старалась сосредоточиться на этом прикосновении, на шепоте ветра в ветвях, на солнце, что пробивалось сквозь хвою и оставляло на земле причудливые узоры.

— Красиво, — тихо сказал Кир, останавливаясь на небольшой площадке. Отсюда открывался вид на бескрайнюю гладь Ладоги, усыпанную темными точками островов.

— Да, — выдохнула я, закрывая глаза и подставляя лицо солнцу. — Очень.

И в этот момент тишины, нарушаемой лишь ветром и нашим дыханием, память предательски подкинула картинку. Совсем другую. Другую руку, держащую мою – более крупную, с шершавыми ладонями. Другой смех – низкий, грудной. Мы стояли так же, на другом острове, Максим обнимал меня со спины, прижимаясь щекой к моему виску. Я гово-

рила: «Смотри, какая красота». А он отвечал: «В этом мире нет ничего и никого красивее тебя».

Я резко открыла глаза, глотнув прохладного воздуха. Прошлое. Оно всегда было где-то рядом, пряталось за углом и выскакивало в самые неподходящие моменты.

— Холодно? — спросил Кирилл, заметив мою дрожь.

— Немного, — соврала я, прижимаясь к нему. — Пойдем дальше?

Мы двинулись вперед, и вскоре тропа вывела нас на каменистый пляж с одиноким огромным валуном, уходящим в воду. Я замерла. Это место было мне знакомо. Мы с Максимом ночевали здесь в наш первый поход пять лет назад. Именно на этом камне мы сидели, зарывшись пальцами ног в теплый гранит, и делились планами, которые тогда казались такими грандиозными и незыблемыми.

— Что-то не так? — Кирилл, ушедший на два шага вперед, внимательно смотрел на меня.

Наверное, стоило ему признаться, но я не нашла в себе сил. Зачем еще и его прогулку портить внезапно вспыхнувшими воспоминаниями.

— Показалось, что увидела ящерицу, — снова соврала я. Второй раз за десять минут – что-то многовато.

— Да, я тоже успел парочку заметить, — не предав значения моим словам, Кир снова обернулся к воде, рассматривая красоты природы. Всего миг тишины, который был прерван внезапным писком телефона. — О, связь! Ничего себе. По-

дождешь, пока я отвечу на сообщения?

— Конечно.

Я улыбнулась, но Кирилл уже не видел, уткнувшись носом в свой гаджет. Пожалуй, его единственный минус – он был зависим от своего телефона, поэтому я не верила, что он выдержит семь дней в местах, где связи почти нет. Но пока, кажется, он справлялся.

Наблюдать за ним было забавно: Кир хмурил свои темные брови, чертыхался сквозь зубы, задира л мобильник повыше. А в итоге отходил все дальше, пытаясь поймать наиболее устойчивый сигнал.

Я опустилась на гальку. Она была теплой, почти горячей, и приятно покалывала ладони. Я закрыла глаза, стараясь поймать ритм прибоя – ровный, убаюкивающий. Но вместо этого в голове снова всплыли картинки из прошлого. Мы с Максимом жарили на этом самом пляже рыбу, только что пойманную, и она пригорела. Мы смеялись до слез, заедая настоящие угольки хлебом и запивая теплым чаем из термоса.

«Лик, смотри!» — его голос прозвучал в памяти так четко, будто он стоял за спиной. Я обернулась – просто наваждение какое-то. Никого, только Кирилл, все так же увлеченно размахивающий телефоном у кромки леса.

Нужно заканчивать с этими флэшбеками, иначе я с ума сойду.

Подхваченный камушек отправился в воду – я представляла, что вместе с ним отпускаю все свои мысли об Озере

и его подружке. Вот сейчас гальяка ударится пару раз об воду и пойдет ко дну, как и наш брак когда-то. Но вместо приятного «шлеп-шлеп-шлеп» раздался одинокий и какой-то обреченный «бульк».

— Ты все еще выбираешь не те камни, — раздалось будто бы у меня в голове, но...

Тихий хруст камней за спиной подтвердил, что в этот раз до галлюцинаций мне очень далеко.

Я медленно обернулась. Максим стоял в паре метров, руки в карманах шорт, смотрел на то место, где камень бесславно утонул. На его лице играла тень той самой улыбки, что я помнила слишком хорошо.

— Всегда нужно искать плоские и легкие, — сказал он, его голос прозвучал неприлично громко в тишине пляжа. — И кидать под углом, почти параллельно воде.

Сердце застучало где-то в горле. Я встала, отряхивая ладони.

— Спасибо за урок, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, но выходило ровно наоборот. — Как молодость вспомнила.

Макс коротко усмехнулся, но до глаз его смех не дошел.

— А где твоя вторая половинка? — осведомился Озеров, кивнув в сторону удаляющейся фигуры Кирилла, которая уже почти скрылась в зарослях.

— Ловит связь. Дела не ждут, — постаралась произнести максимально отстраненно. И зачем-то спросила, не ина-

че как из вежливости: — А твоя? Не потерялась?

— Помогает Марине по хозяйству, — Озеров сделал пару шагов ближе, и я невольно отступила. Пространства между нами стало меньше, как и воздуха. — Твой Кирилл мастерски ее на это подписал.

— Насколько я помню, в походе все должны приносить пользу, — тут же оценилась я. Раздражала даже не столько подача информации, что это Кир виноват, а то, что Яночка сама не догадалась помочь. Вчера она уже слилась с совместного труда. Правда верила, что ей удастся это во второй раз?

— Так и есть, — протянул Макс с нечитаемой интонацией. Его взгляд скользнул по моему лицу, словно в попытке просканировать все спрятанные в черепушке мысли. Комментировать мой выпад он не стал. — Как тебе место рулевого? Справилась?

Вопрос застал врасплох. Такой простой. Такой обычный. И такой... как из прошлой жизни.

— Справилась, — кивнула я, глядя куда-то мимо его плеча. — Вспомнила кое-какие старые советы.

— Они всегда пригодятся, — тихо сказал Озеров.

Мы стояли в нескольких шагах друг от друга. Тишина между нами была тяжелой, густой, наполненной всем несказанным. Раньше мы не могли наговориться до самого утра — нам никогда не нужно было искать темы для разговоров. Теперь же молчание было неуютным и давящим на плечи.

— Слушай, Лик, — начал было Макс, шагая вперед — я с

трудом удержалась от желания шагнуть назад, но именно в этот момент под треск веток на берег вернулся Кирилл.

— Я все! — счастливо возвестил он на всю округу и только после заметил, что я уже не одна. Не изменился во взгляде, не помрачнел, даже улыбки не растерял. Просто подошел ближе, кивнув Максиму, и обнял меня за талию. — Прогуляемся еще или пойдем назад?

— Назад, — слишком быстро призналась я и прижалась к теплому боку. Улыбалась я именно Киру — потому что он надежный. А не для того, чтобы задеть Озерова. — Не хочу бросать девчонок надолго одних.

— Думаю, им не скучно, — с намеком усмехнулся Иванов, но покорно увел меня в сторону тропинки.

Назад я не смотрела. Но предельно остро чувствовала на себе мужской взгляд, а в голове так и крутился вопрос: что же такого хотел мне сказать бывший муж?

Глава 6. Ли́ка

— Надеюсь, больше она вообще с нами не заговорит, — с мрачным удовлетворением заявила Алиска, закидывая в рот очередной кусочек вареной картошки.

Вокруг костра мы сидели «кучками по интересам»: Игнатьевы, следом Алиска и я с Киром, Денис с Пахомом. А Максим и его Яна – чуть поодаль ото всех. Озеров, правда, поближе к Сереге, а со стороны его девушки образовалась некая зона отчуждения.

С заданием «помочь» Яночка не справилась, потому что ее посадили чистить картошку. Сначала, по словам Алиски, дива отнекивалась, мол, без овощечистки не умеет, но сердобольная Марина взялась учить ее чистить ножом.

За полчаса они вместе с трудом почистили два несчастных клубня. Все это время Рыжуля – по ее же рассказу – с трудом сдерживала улыбку.

А после случилось то, что застала уже я: точка кипения. Нет, не у моей Алисы. У непробиваемой миссис Игнатьевой.

К тому моменту Мариша уже отчаялась научить хоть чему-то новую подружку, поэтому просто сидела рядом и чистила картошку. Яна с печальным видом крутила в руках клубень и безжалостно кромсала шкурку, которая упорно не хотела срезаться. Я присела рядом с Алисой, чтобы помочь ей, когда Максимовская пассия вдруг произнесла:

— Не понимаю, зачем вообще так мучиться? — девица тяжело вздохнула, будто ее заставляли вагоны разгружать. — Можно же вполне обойтись пюре из стаканчика. Залил водой — и та же картошка.

— Еду быстрого приготовления мы оставляем на финальную часть похода, — с готовностью пояснила Игнатьева. — Когда все уже подустанут, и сил на готовку почти не останется.

— Ну и что? — не сдавалась Яна. — Мы могли бы все дни питаться такой едой. И места в рюкзаках больше бы осталось под... ну, под важные вещи.

Она многозначительно посмотрела на свой неизменный шопер, из которого торчали три разные косметички, о содержимом которых нам оставалось только догадываться.

Марина замолчала. Я видела, как скулы у нее напряглись. Но она продолжала молча чистить овощи, лишь чуть быстрее прежнего.

— А еще лучше — взять с собой повара, — мечтательно продолжила блондинка, глядя куда-то в вершины многовековых деревьев. — Или заказывать еду с доставкой на лодке. Я читала, что в цивилизованных местах так и делают.

Алиска фыркнула, но сдержалась. Я же почувствовала, как у меня самой закипала кровь. Эти походы, эта простая еда у костра, совместная готовка — это была наша традиция. Нечто священное. А Яна говорила о них с таким пренебрежением...

— И носиться бы с этой картошкой как курица не пришлось бы, — вдруг закончила Яна.

Словно снаряд взорвался, но бесшумно. Все разом замолчали: тишина стала абсолютной. Даже ветер в соснах замер. Марина медленно, очень медленно опустила нож.

Когда она подняла голову, лицо ее было бледным.

— Как... курица? — прозвучало тихо, но так, что мурашки побежали по коже у всех, кроме наивной дуры.

— Ну да, — Яна, не чувствуя подвоха, развела руками. — Бегаете, суетитесь... Я просто констатирую факт.

Марина встала. Не резко, а плавно, будто поднималась со дна озера. Ее глаза горели тихой яростью и подступающими слезами.

— Ты знаешь, — начала она дрожащим от напряжения голосом, — мой прадед прошел всю войну. И он говорил, что на фронте картошка спасла ему жизнь. Не твои стаканчики. Не доставка на лодке. Простая картошка, которую он чистил в окопах грязными руками.

Марина сделала шаг вперед. Яна инстинктивно отпрянула.

— А мой дед поднимал целину. И они варили картошку в ведре на костре, потому что другой еды не было. Моя мама в девяностые... — голос Игнатьевой дрогнул, но она продолжила, — в девяностые стояла в очередях за этой картошкой, чтобы накормить меня и сестру.

Никто не шевелился, даже Алиса с Кириллом, хотя они

наверняка слышали эти истории впервые, но куда важнее была та, о которой не упоминалось. Младшая сестра Марины умерла, будучи маленькой, просто от того, что у семьи не хватило денег на дорогостоящее лечение. Для нашей подружки это – незаживающая рана. Поэтому они с Сергеем до сих пор не завели детей – Мариша боялась, что не сможет обеспечить их всем, поэтому работала как проклятая.

— И когда я сейчас чищу эту картошку, — Марина указала на тазик с овощами дрожащим пальцем, — я вспоминаю их всех. Для меня это не просто еда. Это память моей семьи. Это... святое.

Картошка была ее ритуалом, который мы все с легкостью поддерживали. Во время наших походов я узнала, наверное, миллион способов готовить ее на огне – и ни один из них мне еще не надоел. «Картофельная банда» – так мы себя называли в шутку, когда перед каждым выездом обносили ближайший овощной магазин.

— А ты... — Марина посмотрела на Яну с внезапной, страшной жалостью, — ты просто не знаешь, что такое по-настоящему голодать. И слава богу. Но не смей... Никогда не смей говорить о том, чего не понимаешь.

Игнатьева резко развернулась и ушла в сторону леса. Быстро, почти бегом. Сергей бросился за ней, успев бросить на Яну испепеляющий взгляд.

Наступила тишина, которую нарушал только треск поленьев в костре. Яна сидела с выражением полного непонима-

ния на лице. И лучше бы она просто промолчала в тот момент, но она додумалась спросить:

— А что я такого сказала-то?

От этого наивного, почти детского вопроса стало физически тошно. И теперь дело было вовсе не в моем предвзятом отношении: даже Кирилл и Денис, самые позитивные участники похода, смотрели на девушку с осуждением.

— Да лучше б ты вообще ничего не говорила, — покачала головой Алиска и встала, отряхнув шорты. — Пойду наберу еще воды. Ликусь, ты со мной?

Я поднялась следом и молча поплелась за ней. Воды у нас было предостаточно, а вот благодущия стоило поискать.

Когда мы вернулись через пятнадцать минут, Яны уже не было. Зато Максим и Сергей о чем-то переговаривались, стоя подальше от костра, за которым присматривал Пахом. Денис занимался картошкой, Кирилл — дровами.

— Что мы пропустили? — уточнила я у него.

— Марина в палатке, — сразу с верных вещей начал Кир. — Серый, как я понимаю, промывает мозг твоему хорошему бывшему.

— Бывший-то хороший, — выдохнула я, — а вот нынешняя его...

Рыжуля, слышавшая весь разговор, тихо хмыкнула.

К ужину подтянулись все: и Марина, порядком подустойчившаяся, и хмурые Озеров с Яной. Последняя поджимала губы и молчала. От протянутой еды она демонстративно от-

казалась, заработав хмурый взгляд от Макса, и заварила себе ту самую картошку из стаканчика.

В этот раз мы не обсуждали предстоящий переход, не шутили и не пели песни под гитару, которую всегда таскал за собой Пашка. Мы просто... ужинали, перебрасывались ленивыми фразами, подливали друг другу чай. А после медленно расходились.

Первой ожидаемо ушла Марина: поцеловала мужу в щеку, заверила, что не против, если он придет позже, и скрылась в палатке. Сразу после нее зевнула во весь рот моя Алиса и, потрепав меня за плечо, отправилась спать, прихватив мой плед. Кирилл пообещал принести еще один и скрылся в темноте.

Спустя несколько минут Яна что-то заявила на ухо Максу, но тот только дернулся и отрицательно покачал головой. Его девушка нахмурилась, снова поджала губы, как делала это весь вечер, и гордо удалилась.

В какой момент исчез Денис, я не представляла, но наверняка тогда же, когда и Рыжуля: не оставлял подающий надежды ветеринар попыток завоевать сердце моей подружки.

Нас осталось четверо. Мы сидели на бревнах, слушали треск костра и думали каждый о своем. Я, кажется, вообще не думала, а просто пыталась пережить этот вечер.

— Ну, — в какой-то момент отмер Серега и улыбнулся мне. — Расскажешь, как там северная столица поживает?

Его жене о своей жизни за последние два года я рассказала

еще вчера. Теперь, видимо, пришла очередь мужа.

Ничего особенного в моей истории не было: дом, работа, родители. Поездки к ним в деревню. Сережа поинтересовался здоровьем папы, спросил про мамину страсть к рисованию — то, что он помнил такие детали, тронуло меня до глубины души. Я даже обхватила себя руками, пытаясь удержать эмоции, но это было воспринято иначе.

Макс, сидевший точно напротив меня, подхватил лежащую рядом куртку и бросил ее Пахому, кивнув в мою сторону. Паша передал мне.

— Совсем замерзнешь, пока Кир где-то ходит, — ровным голосом пояснил Максим.

Я машинально накинула куртку. Она пахла дымом и чем-то еще, до боли знакомым — его запахом. Тем самым, что преследовал меня все эти годы в старых вещах, которые я так и не смогла выбросить.

— Спасибо, — кивнула я, не глядя на него.

Сергей тем временем раздул костер, подбросив сухих веток. Пламя ожило, отбрасывая длинные тени.

— Так значит, все по-старому? — уточнил Паша, длинной веткой поправляя вывалившийся из огня сучок. — Где же ты тогда своего красавчика встретила?

Я невольно улыбнулась, вспоминая знакомство с Кириллом.

— На работе и встретила, — пояснила я, ощущая, как чужая одежда начала давить на плечи. Или это чужой взгляд?

— Фирма, где Кирилл работает, базируется этажом ниже нашей. Мы столкнулись в кафетерии в холле: Кир облил меня кофе, а потом долго пытался загладить вину.

— Спорим, облил он тебя специально? — подмигнул мне Пашка. — Я бы точно так сделал.

Сергей улыбнулся, я — тоже, но попутно толкнула ногой кроссовок болтуна, чтобы не расслаблялся. На Озерова специально не смотрела.

— Работать вместе, — заговорил именно он, — удобно, наверное. Как минимум можно добираться на одной машине.

Не знаю, пытался ли Макс меня уколоть, но его слова меня задели. Когда это было нашим камнем преткновения: мы работали в разных концах города, и чтобы утром довезти меня до офиса, Озерову приходилось вставать почти на три часа раньше, а мне — почти час ждать начала рабочего дня, когда он высаживал меня у бизнес-центра. Однажды мы поссорились на эту тему, и я заявила, что нам просто нужна еще одна машина. Максиму идея не очень понравилась — он считал, что лучше копить на квартиру, чем на «глупые закидоны».

— Я так и не получила права, — призналась я больше Сереге, чем Озерову. — Да и Кир живет в другом районе. Добираться вместе не всегда выходит, я больше на метро или на такси.

Только когда слова отзвучали, я поняла, что словно оправдывалась ими перед Максимом. Зачем? Почему? Думал бы

себе, что мы с Ивановым живем вместе, и все, какое мне дело. Но внутри возилось что-то шершавое, но привычное. Что-то, что не позволяло причинять боль близким людям.

А Максим Озеров все еще близкий для меня человек. И это... пугало.

После такого внутреннего откровения я решилась поднять на него взгляд. Макс смотрел точно на меня через языки пламени, и его взгляд не выражал ничего. Ни теплоты, ни злости, ни радости, ни зависти. Выжженная пустошь, за которой Озеров всегда прятал настоящую бурю, которая обязательно на кого-нибудь вскоре прольется.

Я бы не хотела оказаться в эпицентре, когда все начнется. Но чем дольше я удерживала зрительный контакт, тем сильнее крепло ощущение, что без меня тут не обойдется.

— Ладно! — Серега резко встал, нарушая своим движением момент странного штиля. — Завтра подъем с рассветом. Надо будет добраться до Лунного или Харви, там разобьем лагерь. Почти двадцать километров, отдохните хорошо.

— Как скажешь, босс, — отдал честь Пахом и сам поднялся на ноги. — Кто последний, тот тушит костер.

Мы с Максом не двинулись с места. Упомянутый костер между нами трещал, хрустел и выбивал редкие искры с тихим хлопком. Я смотрела на него, не на Озерова, но это никак не мешало мне чувствовать его каждой клеточкой своего тела.

Я не понимала, что именно испытывала в тот мо-

мент. Неловкость? Сомнения? Какую-то потаенную радость? Немного сочувствия? Кажется, все и сразу.

А еще любопытство. Такое же жгучее, как огонь в кострище.

— Там, на берегу, — все-таки не выдержала я спустя несколько минут. Голос вышел сиплым и глухим, пришлось немного откашляться, чтобы продолжить. — Ты хотел что-то сказать, прежде чем пришел Кир?

Макс поднял на меня взгляд — так, когда не двигают головой, только глазами, из-за чего вид становился хмурым, пробирающим до мурашек. Таким серьезным Озеров обычно не бывал, или бывал, но ровно пару секунд, а после улыбался хитрой улыбкой и предлагал что-то такое, от чего отказаться было нельзя.

Сейчас никакой улыбки не было. Был только он: пристальный взгляд, невольно ассоциирующийся у меня с хищным. Захотелось сесть ровнее, выпрямить спину и задрать подбородок, показывая, что меня не пробить. Но я почему-то замерла, как кролик перед удавом, и просто ждала.

— Ты счастлива, Ли?

Я вздрогнула, не готовая к таким откровениям, особенно с бывшим мужем. Да и, пожалуй, ни с кем другим тоже не готова. Потому что ответ, первым всплывающий в голове, мне не нравился.

— У меня все хорошо, — я постаралась, чтобы улыбка вышла не слишком кривой, и тут же перевела стрелки: — А

ты?

Левый уголок его губ чуть приподнялся вверх – слабая пародия на ту хитрую ухмылку, которую я знала и любила.

— И у меня все хорошо.

Мы с Максом не двинулись с места. Костер все так же трещал между нами, яркие искры улетали к облакам. Я снова не смотрела на Озерова, но прекрасно чувствовала, что он смотрел на меня.

Мы оба соврали, и оба об этом знали.

Вот поэтому я и не хотела больше с ним встречаться – потому что он видел меня насквозь и мог раскрыть правду на то, о чем я врала всем вокруг и сама себе все эти длинные два года.

Обманываться мне нравилось больше. Но и сидеть вот так... оказывается, мне тоже нравилось.

Глава 7. Максим

Не стоило привозить сюда Яну.

Эта настойчивая мысль долбилась в голове со вчерашнего вечера. Ни на секунду не отпускала. Таранила мозг, клевала по темечку и заставляла ощущать себя полным дебилом.

Дело даже не в Лике, хотя, конечно, сталкивать бывшую и нынешнюю я никаким макарон не хотел. Потому что, откровенно говоря, моя единственная жена сожрала бы Янку с потрохами и даже не подавилась бы.

Дело в самой Яне. Она банально не подходила этому миру – в чем-то суровому, в чем-то требовательному, в чем-то устоявшемуся. Наши традиции, наши привычки, наши истории – все это было мимо моей девушки, хотя перед поездкой я многое ей рассказывал. Но вчерашняя тема с картошкой – это наглядная демонстрация того, насколько далеки друг от друга Янка и мои друзья.

Она из другой реальности. Легкая, в чем-то даже легкомысленная. Простая и искренняя девчонка, у которой была очень ровная жизнь. Она из хорошей семьи, не знала нищеты или проблем с пьющими родителями. Школа, университет – как по учебнику. Тот же блог – все ей дается без каких-либо сложностей. Яна неплохо зарабатывает на рекламе, помимо этого еще ведет йогу в соседнем от нашего скалодрома фитнес-центре – там мы и познакомились. Она успешна и

самодостаточна, но при этом ей не приходится прикладывать много усилий, чтобы что-то заполучить, а если ей чего и не достаёт, ей всегда помогут мама с папой.

Я в свое время жрал землю, чтобы хоть что-то из себя представлять. Лику встретил, когда у меня кроме кредитной тачки ни черта и не было. Наверное, в этом и беда: рядом с ней я все время чувствовал, что не дотягивал.

Впрочем, я и сейчас это чувствовал, когда она рассказывала о своей ровной жизни, успешной работе, где ее наконец-то повысили до начальника, родителях. Она все еще была королевой в моих глазах. А я – всего лишь конюх где-то на задворках ее жизни.

Я слишком много думал о своей бывшей жене, особенно в свете того, что случилось с Яной. Она даже дома никогда не готовила, а тут ее засадили за картошку! Смешно, право слово! Я с самого начала понимал, что хорошим это не закончится, но был уверен, что своим неумением если Янка кого и заденет, то как раз Лику – у нее-то в наш первый поход все выходило идеально.

Но задело Марину, и это как ржавым серпом по сердцу. Я ж ее с детства знал, эту пробивную девчонку – росли в одном дворе. Дружили, конечно. По молодости даже встречаться пробовали, но нам не зашло – остались друзьями. А потом я познакомил ее с Серегой, и более крепкой пары я в своей жизни еще не встречал. Завидовал им, конечно, верил, что у нас с Ликой все будет также.

Черт, опять я про Лику.

Разумеется, Маринину историю я знал от и до. Я сам был ее невольным свидетелем, когда сбегал из дома после побоев отца, а Маришка с матерью всегда находили для меня и лишний угол, и порцию теплой еды, хотя сами едва сводили концы с концами. У них-то я и полюбил дурацкую картошку, из-за которой вчера все пошло под откос.

Яна ничего не поняла даже после того, как я повторил ей Игнатьевские слова более простым языком. Не оценила. Повела своим острым плечиком, фыркнула и бросила чуть надменное: «Ну это же не мои проблемы!». Да, не ее. Теперь это мои проблемы, о чем я ей и заявил.

Она обиделась. Весь вечер дулась, еще больше начала после того, как я отказался вместе с ней идти спать. Хотелось хоть немного тишины, треска поленьев в костре, тихих разговоров.

Лики. Мне хотелось Лики. Узнать, как она провела эти два года. И спасибо Сереге, что задал этот вопрос вместо меня.

Я правда рад, что у нее все хорошо. Что Кирилл у нее этот есть, что он не обижал ее. Видно, что мужик он нормальный, хоть и не без тараканов. Успешный, спокойный. Не то, что я.

Но этот успешный и спокойный утыкался в телефон, едва отойдя от огня, а его женщина сидела и мерзла. Думал, заметит, но пришлось брать все в свои руки.

Лика все еще была невероятно маленькой для моих кур-

ток, все еще выглядела в них немного комично. И что-то внутри все еще пронзительно сжималось, когда я смотрел на нее – такую родную, но такую далекую.

Какой же я debil.

Первые полгода без нее были для меня адом. Я не спил-ся только потому, что перед глазами стоял пример отца, ко-торый вообще не просыхал. Не хотелось быть на него похо-жим. Помогли друзья – те же Игнатьевы, Вадим, с которым мы ввязались в открытие скалодрома под Питером. Место не самое удачное, но единственное, что мы потянули по цене. В кредиты влезли, но повезло со спонсорами. Спустя год уже можно сказать, что центр начал приносить пусть и неболь-шую, но стабильную прибыль. Зато у меня всегда было за-нятие, чтобы не думать.

Я в те времена и смотреть ни на кого не мог, хотя вокруг было полно красивых девушек и женщин – все время ви-дел Лику. Пару раз даже обознался на улице, испытывая при этом дичайшее разочарование. Она, как и обещала, не зво-нила ни разу, а я, грешным делом, мечтал по вечерам, чтобы у нее что-то сломалось, и она набрала мне.

Но она даже с праздниками не поздравляла, только на день рождения присылала одну сухую фразу. Хотя с теми же Игнатьевыми контакт поддерживала – от них я и узнавал, что у нее все хорошо, до тех пор, пока Серый мне однажды не сказал:

— Макс, ты либо кончаешь страдать и ищешь себе кого-то

другого, либо просто вали к ней и скажи, что до сих пор ее любишь. А то у меня такое ощущение, что ты к нам приезжаешь только для того, чтобы о своей бывшей узнать.

Я подумал над его словами и пошел по первому пути, потому что второй показался мне тупиком. Я бы и приехал, и сказал бы, а что потом? Что мне делать после «А я тебя нет, Максим»? Удавиться?

Так три месяца назад в моей жизни появилась Яна. Ни на что не покушающаяся, ничего не просящая. Если с Ликой была любовь с первого взгляда, то здесь мы сначала больше дружили, прежде чем решились попробовать что-то большее.

Мы собирались провести этот отпуск вместе. Планировали его, отель сняли в области. Но Яна заметила, как я расстроился из-за невозможности поехать вместе с друзьями, и решила все переиграть. Ради меня.

А я сейчас понимал, что это тоже было ошибкой.

Потому что молчание с Яной – обиженной или нет – никогда не приносило мне столько удовольствия, как посиделки с Ликой по разные стороны костра. Когда мы оба делали вид, что ничего не происходило, а по факту просто ввали друг другу и самим себе.

Я давно решил, что у меня будет только одна жена. Даже когда мы получали те дурацкие бумажки, подтверждающие, что наш брак окончен, я знал, что другого у меня не будет. Но одной женщине я не подарю больше свою фамилию, по-

тому что красиво она стояла рядом лишь с одним именем.

И теперь я безумно хотел, чтобы все вернулось обратно. В те времена, где Лика Озерова все еще была моей.

Я дождался, пока она уйдет. Проводил ее до палатки, забрал свою куртку, пахшую теперь не только костром, но и ей – Ликой. Потушил огонь и провел всю ночь, вдыхая знакомый до боли запах и обдумывая решение, которое не давало мне уснуть до самого утра.

Я хотел обратно свою жену. Со всеми ее сложностями и глубинами, в которых я мог потонуть.

Но рядом со мной, отвернувшись, лежала другая девушка, и я не представлял, что с ней делать.

Я не мог бросить ее посреди шхер. Не мог вернуть ее обратно, потому что это – минус время с Ликой. Но и играть в отношения дальше не мог – не с ней. Это подло? Низко? Омерзительно. Я сам себе был противен.

И при этом понимал, что любой другой вариант – это самообман. Мне не нужна никакая другая женщина. И никогда не была нужна.

Поэтому нужно было послушать Серегу и поехать к ней. Сказать все прямо, услышать то самое «А я тебя нет, Максим» и заставить его измениться на противоположное. Я ведь один раз уже завоевывал ее. Неужели не смогу во второй?

Утро не принесло за собой никакого конкретного решения, зато усталость и головная боль ждали меня с распро-

стертыми объятиями. Глупо, учитывая, что сегодня нас ждала самая сложная часть пути, а я чувствовал себя разбитым и уничтоженным.

Зато Яна порхала и улыбалась всем. Вчерашние переживания она оставила во вчерашнем дне, а сегодня снова была светлой и радостной девушкой, довольной жизнью.

Зато все остальные ходили мрачные, но дело было не в Яне. Погода, на которую мы так рассчитывали, преподнесла неприятный сюрприз, испортившись с раннего утра.

Небо затянуло низкой облачностью, воздух стал влажным и тяжелым. Ладога, еще вчера игривая и синяя, сегодня казалась темной, свинцовой плитой, и по ее глади гуляли медленные, но уже ощутимые валы. Пахло грозой. Без лишних слов мы достали непромокаемые вещи – все понимали, что вероятность дождя высока, как никогда.

Сергей, изучив барометр на часах и насупленную хмарь над головой, собрал нас у своей байдарки.

— План меняем. До Харви в такую погоду – самоубийство. Сворачиваем к Медвежьему. Там и бухта поуютнее, и от ветра укрытие есть.

Медвежий. Не самое романтическое название, но остров и правда был хорош для непогоды – с глубокой, защищенной со всех сторон бухтой. Мы с Ликой ночевали там однажды, попав в такой же внезапный шторм. В памяти всплыла картинка: мы сидим под нависающей скалой, завернувшись в один спальник, греем руки о кружку с чаем и слушаем, как

за стеной из гранита завывает ветер. Она тогда сказала...

— Макс, не спи! — крикнул Пахом, грузя в трехместную байдарку свой и Денисовы рюкзаки. — Садимся по-вчерашнему!

По-вчерашнему. Значит, Яна — с ними. А у меня в лодке... Кирилл. Идеально. Еще несколько часов в обществе человека, который обладал тем, что я потерял.

Погрузка напоминала эвакуацию. Все делалось быстро, молча, с оглядкой на небо. Яна, к моему удивлению, безропотно полезла в байдарку к Пахому, лишь бросила на меня прощальный взгляд. Видимо, даже она понимала, что природа — не тот противник, перед которым можно капризничать.

Кирилл уже ждал меня в нашей лодке. Он выглядел собранным и спокойным.

— Погодка, — только и сказал он, проверяя крепление весла.

— Ага, — буркнул я, занимая место на корме. — Главное — не поддаваться панике и грести в одном ритме.

Впереди Лика и Алиса уже отчаливали. Лика сидела на руле, уверенная, сосредоточенная. Настоящий профессионал.

Первые несколько сотен метров прошли относительно спокойно. Потом ветер усилился, сорвавшись с просторов открытой воды резкими, злыми порывами. Он бил в лицо, заставляя шуриться и тяжелее заносить весло. По воде пошли белые гребни, и нашу байдарку начало ощутимо под-

брасывать.

Кирилл молчал, работая веслом с упорством и силой, которых я от него не ожидал. Мужик, что сказать. Не подвел.

— Держитесь левее! — донесся до нас голос Сергея. — Там течение слабее!

Я скорректировал курс, глядя на спину Лики впереди. Ее лодку тоже швыряло, но она держалась уверенно, как будто байдарка была продолжением ее тела. Алиска, бледная, но молчаливая, упрямо гребла веслом, четко следуя ритму.

Я следил за их байдаркой даже больше, чем за своей. Каждый поворот, каждую волну переживал как свою. И испытывал одновременно гордость от того, что Лика справлялась, и сожаление от того, что она справлялась без меня.

До Медвежьего оставалось совсем немного. Сквозь пелену начинающегося дождя уже угадывались темные очертания скал, обрамляющих спасительную бухту. И я знал, что как только мы достигнем берега, все изменится. Игра в вежливых незнакомцев закончится. Мне нужно было поговорить с Ликой. Один на один. Независимо от того, что подумает этот надежный, правильный парень, гребущий передо мной.

Глава 8. Ли́ка

До бухты Медвежьего добраться мы не успели – ливень накрыл нас такой непроходимой стеной, что пришлось причаливать к ближайшему острову. Возможно, не будь у нас новичков, мы бы смогли продолжить и перетерпеть оставшиеся несколько километров. Но их у нас было слишком много.

Меня едва не потряхивало от напряжения, пока я удерживала байдарку на волнах. Алиска, конечно, большая умница, что держалась и не истерила, но от нее мало что зависело. Основная ответственность была на мне – и она давила на плечи, забивала руки и спину. Волны, ветер, дождь. Когда за моей спиной сидел Максим, я чувствовала себя увереннее.

Он и сейчас был там – плыл чуть позади, и мне казалось, что чужой взгляд даже сквозь пелену капель пробивался до меня. Глупо, наверное? И если кто на меня и смотрел, то Кирилл, а не Озеров.

Но думалось почему-то о нем.

Берег, у которого мы остановились, был скалистым и неровным – здесь негде было не то, что ночевать – даже переждать непогоду. Ровные клочки были столь небольшими, что на них с трудом можно было уместиться вдвоем. А нас – девять. Нам нужна была площадка побольше.

— Надо пробовать идти вглубь, — перекрикивая ветер, командовал Сергей. — Здесь подъем, где-то повыше навер-

няка есть поляна или какой-нибудь пологий склон.

С ним никто не спорил: в нашей компании Серый – непрекаемый лидер. Они с Максом облазили все шхеры не по одному разу, поэтому их суждениям мы доверяли, особенно когда они оба сходились во мнениях. Вот и сейчас Озеров лишь кивнул, соглашаясь, и отправился связывать байдарки, чтобы их не унесло.

В этот раз выгружались мы даже быстрее, чем загружались. А после неровной колонной выдвигались вслед за Игнатьевым по ему одной видимой тропинке. Сначала они с Мариной, потом – Пахом, Денис и Яна, которую Макс отправил вперед довольно грубым рыком, когда она попыталась заявить, что без него не пойдет. Поэтому теперь она даже рюкзак свой несла сама, делая вид, что ей нисколько не тяжело.

Нас с Кириллом Максим догнал минут через пять. Одним взглядом поинтересовался, все ли нормально, я точно так же ответила ему и поспешила отвернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.